

"Лист".

Гермиона улыбнулась, а Гарри смотрел на дубовый лист в своей руке так, словно в нем хранились секреты всего сущего. Последние несколько недель они провели на территории школы, занимаясь и медитируя. Процесс превращения в анимага оказался сложнее, чем каждый из них ожидал.

Гермиона была уверена, что у Гарри получится найти свои жетоны, ведь он всегда был очень инстинктивным человеком. Поскольку процесс накопления жетонов - это путь, на котором ведьма или волшебник осознает и соединяется с внутренним зверем, она полагала, что Гарри - лучший вариант для быстрого накопления жетонов.

Гарри был уверен, что у Гермионы всё получится, ведь она никогда не терпела неудач ни в чём, за что бы ни бралась. Оклюменция, легилименция, ритуалы вызывания и изгнания - все они пали перед машиной, которой была Гермиона Поттер, урождённая Грейнджер.

Они были и правы, и неправы.

Это было очень тяжело. Вся вина, стыд и угрызения совести за свою роль в грядущей истории сильно мешали успокоить психику, чтобы осознать свою связь с окружающим миром природы. Они вряд ли были невинными, и их внутреннее смятение проявлялось в их неудачах во время медитации.

Гермиона предложила исповедаться. "Ты хочешь, чтобы я пошел в церковь?" - с недоверием ответил он.

Закатив глаза на мужа, Гермиона ответила: "Нет. Иджит. Я хотела узнать, что ты думаешь о том, чтобы выложить все другому человеку".

Он выглядел явно неловко: "Но ты уже все знаешь".

Она кивнула. "Я вообще-то собиралась поговорить с Ремусом".

"О." Он нахмурил брови. Хмыкнув, она внимательно наблюдала за ним. Она искала в уголках его глаз и рта то расслабление, которое указывало на то, что он уступит ее желаниям.

Этого не произошло.

"Я подумаю", - сказал он на время.

На следующий день она отправилась к Ремусу. Не желая отмалчиваться, она рассказала о проблеме так, как она ее видела. Когда Гарри и переодетый Сириус пришли в Гринготтс, чтобы

передать контроль над состоянием Поттеров в руки законного наследника, Гермиона знала, что у Ремуса будет свободный день.

Проскользнув в его каюту, она тихо закрыла дверь. Продвигаясь к гостиной и приемной Муни, она позвала: "Ремус?".

"Здесь", - ответил он.

Ускорив шаг, она обнаружила его за столом с двумя стопками пергамента. Аккуратная стопка несданных эссе была небольшой, в то время как куча сданных эссе накрывала его ноги и грозила похоронить.

С небольшой улыбкой она предложила: "Я могу прийти позже, если сейчас не время".

"Нет!" - ответил он с притворным отчаянием. "Спаси меня от придурков-четверокурсников, которые уверены, что владеют секретами, позволяющими навсегда запереть зло".

Она облегченно рассмеялась, усаживаясь на ставший уже очень знакомым диван Ремуса. Поставив чайник кипятиться, он наколдовал обычный чайный сервиз.

"Ты не нагреваешь воду магией?" - спросила она.

"Вкус не тот. К тому же, если я не могу подождать пять минут, пока чайник закипит, у меня есть проблемы поважнее".

Она кивнула, сомневаясь и боясь начать.

"Чем я могу помочь тебе, Гермиона?" спросил Ремус.

Их прервал пронзительный свист чайника. Ремус молча залил горячей водой чайные листья и оставил их завариваться. "Простите. Чем я могу тебе помочь?"

Она мягко ответила ему: "Я доверяю тебе, Ремус".

На его лице появилось выражение легкого удивления. Полуулыбка была всем ответом, в котором он нуждался. "Мне нужно поговорить о... прошлом. Кошмары не дают покоя только благодаря Гарри и..." - она отвела взгляд, на глаза навернулись слезы.

Ремус осторожно протянул руку, чтобы взять ее за руку. Он молча поддержал ее своим присутствием и тем, что не дрогнул.

Ремус Люпин был очень умным человеком. Он должен был быть таким, чтобы стать одним из организаторов, называвших себя Мародерами. Если Джеймс был лидером, Сириус - остроумцем, а Питер - комиком, то Ремус был их сердцем. Однако это не означало, что он был глуп. Он знал или мог реально представить себе некоторые из тех злодеяний, которые Гермиона и Гарри видели и, возможно, совершали. Он также знал, что эта молодая пара, которую он успел полюбить за короткое время, не была монстрами. Поэтому воспоминания о грядущей войне должны быть, мягко говоря, тягостными.

Когда Гермиона снова повернулась к нему, по ее щекам текли слезы, она прошептала: "Я убила по меньшей мере две сотни человек, Ремус. Некоторых из них ужасно. Одного человека я подожгла и смотрела, как он сгорает до смерти. Прошло семнадцать минут, прежде чем он умер, Ремус, и я не сделала ни одной попытки уменьшить его боль или остановить огонь". Теперь слезы текли уже всерьез.

Он не пытался утешить ее, так как знал, что она пока не хочет утешений. Взяв ее за руку в знак поддержки, он кивнул ей и сказал: "Продолжай".

И она продолжила. В течение двух часов она делилась ужасными воспоминаниями по всей тихой каюте. Ремус не говорил ничего, кроме тихой поддержки. Он отпустил ее руку только для того, чтобы налить чай, которым она смочила пересохшее горло.

К тому времени, когда в Большом зале подали обед, Гермиона разрыдалась. Наконец-то она смогла утешиться и прильнула к объятиям Ремуса. Он был для нее старшим братом, любимым дядей и хорошим другом.

"Ты совершила несколько ужасных поступков, Гермиона. Но ты все равно хороший человек. Мы все тебя очень любим, ты ведь знаешь это, правда?" Когда она кивнула, он добавил: "Я не могу любить злого человека. Как и Минерва или Сириус. Особенно Гарри. Он никогда не смог бы полюбить злого человека. Ты хорошая женщина, Гермиона Поттер. Война пробуждает в каждом из нас зверя".

Гермиона кивнула головой, благодарная за то, что решилась довериться Ремусу. Сказать, что она почувствовала себя лучше, значит преуменьшить. Гнетущее чувство вины и раскаяния за прошедшие дни, которое жерновом висело на ее шее, исчезло. Хотя жизнь не была персиком и сливками, она снова начала верить в себя. Не в свои способности, ведь она никогда не сомневалась в них ни на йоту. Она начала верить в Гермиону, дочь Стивена и Алисы, жену Гарри и любимую Минервой, Сириусом и Ремусом. Это было захватывающе.

В Гринготтсе дела Гарри и Сириуса продвигались с удивительной быстротой. Снаграт, похоже, предвидел приезд Сириуса, заранее подготовив все формы и документы. После того как Гарри подписал свое имя шестьдесят три раза, а Сириус - четырнадцать раз, они приступили к магической печати.

В общем, после четырех часов чтения, подписания, запечатывания и, наконец, подачи двух камней пергамента Гарри занял пост председателя правления и главного исполнительного

директора "Поттер Траст". Все дела и титулы, не принадлежащие Трасту, были переданы соответствующим образом.

Светловолосый и кареглазый Сириус похлопал Гарри по плечу, когда они вышли из банка. Уверенно шагая по аллее, они не обратили ни малейшего внимания на дежурных авроров. То, чему Бешеный Глаз учил Гарри раньше, принесло свои плоды. "Вести себя так, будто тебе здесь самое место, - это уже половина успеха. Большинство охранников не станут смотреть на тебя дважды, если ты правильно себя ведешь".

Гарри погрузился в тихую задумчивость, пока они пробирались сквозь полуденную толпу. С уменьшением дождей, обрушившихся на всю Великобританию за последнюю неделю, покупатели выходили на улицу толпами.

"Что тебя беспокоит?" негромко спросил Сириус.

"Где мы с Гермионой будем жить, когда закончится школа?" Он нахмурил брови: "У меня есть много мест, где можно жить, но я не буду жить без нее. Я не могу".

Поджав губы, Сириус аппарировал в туннель Ханидукса. Когда Гарри появился, Сириус спросил: "Вы двое собираетесь рассказать ее родителям? Это решит проблему. Вы могли бы жить у нее, а ее семья могла бы переехать в Роуэн Хилл. Наверное, им лучше переехать к тебе, в доме в Уэльсе лучше присматривать за ними".

Гарри с задумчивым выражением лица ответил: "Я не знаю, скажем ли мы Стивену и Алисе. Мы еще не говорили об этом".

Сириус, проявив несвойственную ему деликатность, мягко сказал своему крестнику: "Сделай это, Гарри-медведь. Она твоя жена и лучший друг. Если ты не можешь поговорить с ней, то с кем ты можешь поговорить?"

Гарри вздрогнул от слов Сириуса о "разговоре с людьми". Он невольно задел нерв, но Гарри сдержался и проворчал: "Не называй меня медвежонком. Ты назвал меня так, когда я драл подгузник".

"Дайте мне ночь, свободную от закона, несколько бутылок огненного виски, и вы завтра же наложите в штаны", - проворчал Падфут. Гарри шел за Сириусом по проходу, поэтому Пэдфут так и не увидел, как Гарри отсалютовал ему двумя пальцами.